

А. Н. Торопов

ЗАВОДСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ЯКОВЛЕВЫХ И ЕГО РОЛЬ В ИСТОРИИ УРАЛЬСКОЙ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Имя Саввы Яковлева тесно связано с историей уральской промышленности. Во второй половине XVIII в. ему удалось создать крупнейшее на Урале заводское хозяйство. Однако ни в дореволюционной, ни в советской историографии деятельность этой легендарной личности фактически не отражена. До настоящего времени не проводилось отдельных научных исследований по истории уральского заводского хозяйства Саввы Яковлева и его наследников.

Савва Яковлевич Собакин (Яковлев) сделал головокружительную карьеру от крестьянина до миллионера и коллежского асессора. Его возвышение, по мнению Н.И. Павленко, «не имеет себе равных ни по темпам, ни по приемам обогащения»¹. Савва Яковлев сколотил огромное состояние на винных откупах и подрядах благодаря своему предпринимательскому таланту и стал вкладывать капиталы в промышленные предприятия. Он купил в Центральной России ряд мануфактур по выработке льняных полотен, таких как Большая Ярославская мануфактура². За период с 1766 по 1778 г. Яковлев покупает 16 чугуноплавильных, железоделательных и медеплавильных заводов на Урале. С 1770 по 1779 г. он строит 6 заводов и становится владельцем крупнейшего заводского хозяйства на Урале. После смерти Саввы Яковлева в 1784 г. его хозяйство было разделено между женой и детьми³.

Раздел этого хозяйства является важным событием в истории уральской металлургической промышленности. Его детальное изучение позволяет по-новому взглянуть на различные процессы, происходившие во вновь появившихся частновладельческих заводских округах, понять многие причины и особенности развития разных заводских комплексов и отдельных заводов, попавших в руки новых владельцев.

Старший из сыновей Саввы Яковлева Михаил, являвшийся его правой рукой во всех делах, умер еще в 1781 г.⁴ Претендентами на огромное

наследство Саввы Яковлева выступили его жена Мария Ивановна, сестра Степанида, сыновья Петр, Гавриил, Иван и Сергей, дочь Анна и дети Михаила Саввича — Николай, Иван, Михаил, Григорий, Савва, Мария и Анна.

По завещанию Саввы Яковлева, подписанному им 7 ноября 1783 г., его основное движимое и недвижимое имущество должно было оставаться в нераздельном владении четырех сыновей и вдовы. Савва Яковлев и здесь проявил свои деловые качества и стремление к тому, чтобы его потомки продолжали иметь не только богатство, но и общественное положение: «Движимое и недвижимое имение предоставляю вообще, по желанию их, владение потому что сия часть недвижимого имения сопряжена с такою экономией, что в разсуждении оной, по распоряжению моему учрежденной, без разорения доходу раздроблять его не можно; а сверх того и опыты доказывают, что от частых раздроблений при разделах приходят многие дома в упадок». Савва Яковлев завещал, чтобы его наследники владели имением совместно или назначили уполномоченного для управления⁵.

Исключение Савва Яковлев сделал только для детей своего старшего сына Михаила. Михаил «еще при жизни своей» хотел получить в свою часть лавки в Гостином дворе и попросил отца записать их на имя своего старшего сына Николая, поскольку имел чин титулярного советника «и в звании купеческом быть не хотел». Была составлена купчая на имя Николая, под которой по приказу Саввы Яковлева подписались остальные его дети. По этой купчей лавки отходили в часть Михаила, а в случае его смерти должны были принадлежать всем его детям. Савва Яковлев оставил детям Михаила еще два дома в Санкт-Петербурге и четыре уральских завода — Уинский и Шермяитский, находившиеся тогда уже в Пермском наместничестве, а также Климовский и Холуницкий в Вятском наместничестве с 812 душами крепостных (по четвертой ревизии) и «со всеми к ними принадлежностями»⁶.

Завещание не устроило часть наследников Саввы Яковлева. Если Мария Ивановна, Петр, Иван и Гавриил выступали за выполнение воли покойного, то Сергей и дети Михаила оспорили завещание. Вмешалась в раздел наследства и дочь Саввы Яковлева Анна — жена заводовладельца А.И. Баташова⁷. Ей по духовному завещанию полагалось только 100 тысяч рублей, так как, выходя замуж с «вознаграждением» в 25 тысяч рублей «в платье и прочих вещах», она подписала бумагу, что удовлетворена приданым. Она указывала, что, хотя и находилась при отце во время его болезни «безотлучно», ничего не знала о духовном завещании. По ее мнению, Савва Яковлев «от двух параличей с давняго времени лежал на смертном одре и что та духовная писана пред смертью, как он был без разума и памяти и в языке не имел изображения». Она утверждала, что

при составлении завешания присутствовал только Петр Яковлев, который и составил духовную⁸.

Разбор жалобы наследников императрица приказала поручить Совестному суду. В качестве посредников выступили знаменитый князь Г.А. Потемкин и сенаторы И.В. Елагин и П.В. Завадовский⁹. Мнения посредников разделились. Потемкин и Елагин считали, что завешание Саввы Яковлева следует оставить в силе. Григорий Потемкин (кстати, Петр Яковлев был генерал-аудитор-лейтенантом при его штабе в 1787 году¹⁰) аргументировал это тем, что доказательства неспособности Саввы Яковлева составить завешание самостоятельно выглядят явно неубедительными, поскольку на следующий день после его составления завешатель ездил к «Преосвященному Митрополиту Новгородскому и Санкт-Петербургскому просить о засвидетельствовании ея [духовной]», а потом завешание императрице «при прошении, за собственноручным же его подписанием, к Высочайшей апробации». И.П. Елагин считал, что согласно Соборному уложению дети должны следовать воле своих родителей, а Анна после выхода замуж вообще не может претендовать на долю в наследстве¹¹.

П.В. Завадовский считал, что неважно, был ли Савва Яковлев «в совершенном уме», когда составлял завешание. Просто он противоречит государственным законам, по которым все дети должны получать равные части в наследстве. Завадовский подчеркивает, что по законам раздел наследства должен быть справедливым, а дети Михаила Саввича получили гораздо меньшую часть, чем им полагается, при том что роль Михаила в накоплении богатства Яковлевых была велика. Михаил, «быв гораздо старший всем другим, более потому и других братьев и вспомоществовал отцу своему в трудах и стяжании». Что касается подписки, данной Анной Саввичной в день свадьбы, Завадовский считал, что она не препятствует ей получить свою долю в наследстве, поскольку она не упоминается в духовной и Савва Яковлев не предъявлял ее ни в каком судебном месте. Она была предъявлена матерью и братьями Анны уже в Совестный суд. Не подписывал ее и муж Анны, заводчик Баташев. По мнению Завадовского, Савва Яковлев не собирался оставлять эту записку сыновьям («в тайне держал») и составил ее только «для одной памяти себе или же ради какой нибудь предосторожности». Завадовский считал, что имение Саввы Яковлева нужно разделить между всеми наследниками по справедливости¹².

Так, используя разные лазейки в законах, посредники по-разному и каждый по-своему убедительно, доказывали свои противоположные точки зрения. Мнение Завадовского восторжествовало почти по всем пунктам. Воля Саввы Яковлева была исполнена только по некоторым пунктам. В указе императрицы Сенату от 15 мая 1785 г. предписывалось, как

он желал: 5 тысяч рублей должны были отдать в приказ общественного призрения, 20 тысяч в воспитательный дом, 20 тысяч сестре Саввы Яковлева — Степаниде и по 10 тысяч дочерям Михаила Яковлева — Марии и Анне. Анне Баташовой пришлось довольствоваться завещанными ей отцом 100 тысячами рублей «сверх данных при жизни отцом ея приданного на 25.000 рублей и дома, в коем она ныне с мужем жительство имеет»¹³.

Остальное имущество, за исключением выделенной «указной части» М.И. Яковлевой, следовало разделить на четыре равные части между детьми Саввы Яковлева Петром, Иваном и Сергеем и сыновьями Михаила Яковлева. Гавриил Яковлев к этому времени уже умер¹⁴. Для проведения раздела следовало выбрать из числа «знающих купеческие и заводские дела и обряды двух-трех человек, которые бы «рописание частей учинили бы по самой справедливости». После чего «метанием жребия» каждому из наследников должна была достаться своя часть. Санкт-Петербургскому городовому магистрату было поручено «смотрение» за этим процессом¹⁵. На время раздела первому департаменту магистрата была поручена опека над общим имением, оставшимся после Саввы Яковлева¹⁶. Посредниками в деле раздела выступили И.П. Елагин, граф А.С. Строганов и граф А.Р. Романцов¹⁷. Таким образом, Савве Яковлеву не удалось воплотить в жизнь свою мечту об едином, могущественном торгово-промышленном доме своей семьи.

На мануфактурах, подлежащих разделу, начинают составлять ведомости с описью движимого и недвижимого имущества. Так, 3 ноября 1785 г. последовало сообщение из Санкт-Петербургского губернского правления в Вятское наместничество, в котором требовалось «о скорейшем понуждении к сочинению умершаго коллежского асессора Савы Яковлева наследников и, со стороны несовершеннолетних, опекунов тульского купца Григороя Владимирова с товарищи, состоящим в здешнем наместничестве заводам и фабрикам описей и о доставлении оных Санкт-Петербургского Городового Магистрата в 1 департамент»¹⁸. После составления подробных описей имущества Саввы Яковлева и раздела его на части 10 марта 1787 г. было проведено «метание жребиев»¹⁹.

По раздельному расписанию вдове Саввы Яковлева Марии Ивановне, которой по согласию всех наследников должна была достаться 1/7 от имущества мужа, была выделена шуралинская часть заводского хозяйства Яковлевых на Урале. В нее вошли Шуралинский завод, при котором числилось по последней ревизии 176 душ крепостных «мужеска полу» стоимостью 39 842 рубля, Верхнетагильский со вспомогательным Вогульским и 874 душами стоимостью 170 370 рублей, Верх-Нейвинский с 821 душой стоимостью 161 715 рублей, Шайтанский с 409 душами стоимостью 70 479 рублей, Сылвенский с пятью душами стоимостью 33 151 рубль, Уткинский с двумя душами стоимостью 38 482 рубля. Всего вдова

получила шесть основных заводов, один вспомогательный и 2 278 душ крепостных, а также вторую часть Сибирского дома при бирже недвижимости в Санкт-Петербурге. Ее недвижимое имущество оценивалось в 530 046 рублей. Сверх этого М.И. Яковлева получила «обуховской дом», который со всеми строениями двором, садом и мебелью был оценен в 60 000 рублей. Ее движимое имущество, «состоящее в наличных деньгах, в хлебном провианте, в железе, в разных подрядах, задатках, в долгах, припасах, инструментах», оценивалось в 161 650 рублей 22 $\frac{3}{4}$ копейки.

Дети Михаила Яковлева по жребии получили ярославскую часть, куда вошли Большая Ярославская мануфактура, Крапивинская, Рыбинская и Бородинская фабрики с 2 691 душ крестьян, недвижимая часть которой вместе с домами в Москве и Казани, а также лавками в Гостином дворе оценивалась в 545 435 рублей, а движимое имущество в 700 557 рублей 82 $\frac{3}{4}$ копейки.

Петр Яковлев получил невьянскую часть, в которую входили два завода: Невьянский с 3 298 душами стоимостью 538 237 рублей и Быньговский с 1 121 душами стоимостью 200 881 рубль. Из этого числа крепостных часть должна была быть переселена на заводы братьев Петра Яковлева. Также он получал третью часть Сибирского дома и лавки в Санкт-Петербурге. Таким образом, Петр Яковлев становился владельцем 4 329 душ и недвижимого имущества стоимостью 800 818 рублей. Перешедшее ему движимое имущество оценивалось в 181 970 рублей 98 копеек.

Иван Яковлев получил верх-исетскую часть, в которую входили Верх-Исетский завод со 162 душами стоимостью 74 626 рублей, Режевской с 574 душами стоимостью 184 193 рубля, Холуницкий, Климковский и недостроенный Чернохолуницкий заводы с 383 душами стоимостью 156 563 рубля. Также Ивану Яковлеву переходила Трекинская пристань с одной душой стоимостью 5 772 рубля, село Плещеево в Ярославском наместничестве с 1 120 душами стоимостью 109 513 рублей, Велюковская бумажная фабрика с 367 душами, первая часть Сибирского дома, лавки в Санкт-Петербурге, «ветхой» дом в Коломне и дом в Лаишеве. Иван Яковлев становился владельцем 2 616 душ крепостных и вечноотданных крестьян. Всего его недвижимое имение оценивалось в 675 357 рублей, движимое в 353 516 рублей 69 $\frac{1}{2}$ копейки. В раздельном расписании указывалось, что верх-исетской части недостает 124 761 рубль «против же Невьянской» (124 761 рубль). Эту сумму владелец невьянской части должен был заплатить полосовым железом из своего движимого имущества. О споре, возникшем из-за лесов, отведенных к Верх-Нейвинскому заводу, шедшем еще между Прокофием Демидовым и графом Воронцовым, в раздельном расписании указывалось, что эти леса должны быть по-прежнему во владении Верх-Нейвинского завода «без всякого на то возражения».

Сергей Яковлев становился владельцем алапаевской части. В нее входили Нижнеалапаевский завод (так стал называться Алапаевский после постройки Верхнеалапаевского) с восьмью душами крепостных стоимостью 32 812 рублей, Верхнеалапаевский завод с одной душой стоимостью 7 416 рублей, Верхнесинячихинский с 13 душами стоимостью 34 820 рублей, Нижнесинячихинской с двумя душами стоимостью 17 445 рублей, Верхнесусанский, не имеющий крепостных душ, стоимостью 20 057 рублей, Нижнесусанский с тремя душами стоимостью 19 235 рублей, Ирбитский с 293 душами стоимостью 98 425 рублей. На долю Сергея Яковлева приходились также Шермяитский и Уинский медеплавильные заводы с 468 душами стоимостью 80 527 рублей, место под завод, купленное Саввой Яковлевым у Прокофия Демидова. Поскольку в части Сергея Яковлева было очень мало крепостных, «к уравнению» ему передавались село Великое в Ярославском наместничестве с 1 555 душами «в вечное и потомственное владение». Также Сергей Яковлев получил четвертую часть Сибирского дома, «порозжее» место в Нижнем Новгороде, лавки и Демидовский дом в Санкт-Петербурге. Он становился владельцем 843 душ. Его недвижимое имущество оценивалось в 536 182 рубля, движимое имущество — в 222 603 рубля 22 копейки.

В раздельном расписании указывались границы между новыми уральскими заводскими хозяйствами и принадлежность рудников к той или иной части. Богатый нижнетагильский Высокогорский магнитный рудник разделялся на четыре равные части между хозяйствами, уже добытую с него руду за годы раздела также делили на равные части между Невьянским, Верх-Нейвинским и Верхнетагильским заводами. Староборский рудник делился на три равные части между этими же заводами. В расписании отмечалось, что руду, добываемую для Невьянского завода, «возить той части необоженую, дабы не было сомнений в порубке лесов», поскольку рудник находился за пределами Невьянской лесной дачи. Остальные рудники должны были оставаться в тех частях, в каких лесных дачах находятся.

Актуальным был и вопрос добычи горнового камня для доменных печей. Добывать горновой камень из Чирковской горы должны были только Верх-Нейвинский, Верхнетагильский и Уткинский заводы шуралинской части. Невьянский, Режевской, Алапаевский и Режевской заводы должны были добывать горновой камень из горы Точильной²⁰.

Большое внимание в расписании уделялось проблеме использования пристаней заводскими частями, потому что от них зависел сбыт продукции. Трекинская пристань закреплялась «в вечность» за верх-исетской частью, но половину пристани и «магазиннов» она должна была передать алапаевской части.

Шайтанская пристань, где до этого «с Алапаевских заводов привозимое железо складывалось и на караваны погружалось», оставалась во владении невьянской части. Шайтанская заводская контора должна была строить коломенки для этой части, используя собственный лес и своих людей. Невьянская контора должна было за год до погрузки железа указывать число необходимых ей коломенок. За коломенки Невьянская контора должна была платить «по истинным ценам». Шайтанская контора несла ответственность за убытки невьянской части в случае изготовления меньшего числа коломенок или изготовления бракованных. В течение двух лет Шайтанская контора должна была предоставлять невьянскому каравану «сплавщиков добрых и опытных», поскольку своих в невьянской части не было. Через два года невьянская часть должна была уже иметь своих людей.

Рассматривались в расписании и вопросы, связанные с заводскими плотинами. Оговаривалось, что плотина Шуралинского завода, соединенная с берегом невьянской части, остается в полном владении шуралинской части, но Невьянская контора имеет право беспрепятственно возить руду через эту плотину со Староборского рудника на свой завод. Отмечалось, что в случае прорыва плотин Шуралинского или Верх-Нейвинского заводов, чьи пруды впадают в Невьянский пруд, и затопления невьянской части владелец этих заводов не несет ответственности за убытки, так же как и владелец невьянской части не несет ответственности в случае прорыва плотины своего завода.

Основное внимание в расписании уделялось проблеме распределения крепостных по заводским хозяйствам. Связано это было в первую очередь с неравномерным распределением крепостных по заводам, а также с нехваткой на заводах квалифицированных специалистов заводской администрации — приказчиков, расходчиков и служителей. В шуралинскую часть переводились 36 душ крепостных с семьями Невьянского завода. Кроме них, шуралинский владелец мог забрать с Невьянского завода приказчиков Дмитрия Деева, Федора Богомолова и Алексея Горшенева, а также девять конторщиков, служителей и других работников. За этих 12 человек с семьями Шуралинская контора должна была уже заплатить по установленной цене: за приказчиков — по 500 рублей, за конторщиков и служителей — по 325 рублей, за «взрослых и годных в работу мужеска полу» — по 150 рублей, «за малолетних мужеска полу» — по 50 рублей, а за «женской пол всякого неизключительно в семействе их находящегося возраста» — по 20 рублей.

От Невьянского и Быньговского заводов «целыми селениями» в верхисетскую часть Режевскому заводу передавались деревни Кунара и Осиновка с 229 душами, а в алапаевскую часть Ирбитскому заводу — деревни Бродовая, Боровая, Темная и Беляковка с 82 душами. Они должны

были оставаться при тех заводах «в вечном и потомственном владении». Владелец невянской части не должен был «ни под каким видом иметь к ним когда либо нибудь притязания ни частно кого из крестьян в угодьях и землях обидить». Если владельцы алапаевской и верх-исетской частей когда-нибудь перевели бы крестьян этих деревень на свои заводы, то «оставшиеся по переводе земли» переходили бы безвозмездно невянскому владельцу.

По условиям расписания на Алапаевские заводы также переводились из других частей: 13 душ с Невьянского завода, четверо с Быньговского, одна с Большой Ярославской мануфактуры, трое с Верхнетагильского. На Ирбитский завод переводились: 31 душа с Невьянского, 46 с Быньговского, 42 с Верхнетагильского, семеро с Верх-Нейвинского, двое с Верх-Исетского. На Шермяитский и Уинский заводы переводились семь душ с Невьянского завода и четыре с Быньговского. В их число также входили приказчики, расходчики и служители. Кроме того, владелец алапаевской части мог взять из невянской приказчиков и расходчиков дополнительно, но за это он уже должен был заплатить.

На Верх-Исетский завод переводились шесть душ крепостных с Невьянского завода, девять с Быньговского, четыре с Верхнетагильского, три из деревни Воробьевской, одна душа с Верх-Нейвинского. На Холуницкий завод — 18 душ с Невьянского, 10 с Быньговского, 8 с Верхнетагильского и одна — с Шайтанского. В числе переведенных также были приказчики и расходчики. Среди приказчиков первым назван Григорий Заверняев, который позднее будет управляющим верх-исетской частью. Верх-исетская часть могла взять также за невянской еще 11 душ приказчиков и других работников дополнительно за деньги. Еще в верх-исетскую часть на Холуницкие заводы должны были быть возвращены несколько крепостных с Невьянского, Шермяитского и Уинского заводов²¹.

После раздела 10 марта 1787 г. заводское хозяйство Яковлевых окончательно распалось. Условия раздела были утверждены указом императрицы от 27 июля 1787 года²². Но споры между наследниками Саввы Яковлева продолжались до начала XIX в.

М.И. Яковлева недолго владела своими уральскими заводами. 24 марта 1788 г. она продает шуралинскую часть сыну, Ивану Яковлеву, что значительно увеличивает его заводское хозяйство. М.И. Яковлева продала свои шесть основных заводов и вспомогательный Вогульский с «землями, лесами, рудниками и всякими угодьями, с мастеровыми и работными людьми и крестьяны с женами их и детьми о со внуцаты, и с имеющимися при тех заводах материалами, припасами, инструментами и со всеми к тому недвижимому имению принадлежностями», а также свою часть Сибирского дома при бирже в Санкт-Петербурге всего за 300

тысяч рублей²³. Шуралинская часть в раздельном расписании оценивалась гораздо больше, и эта продажа была в большей степени подарком матери сыну.

Эта сделка сразу же возвысила Ивана Яковлева над братьями и, вероятно, стала главным поводом для многолетнего имущественного спора, затеянного Петром Яковлевым. Еще в 1788 г. братья сотрудничали друг с другом, и Иван Яковлев присылал деньги на содержание заводов как верх-исетской, так шуралинской и невьянской частей. Но уже в январе 1789 г. Петр Яковлев подает на имя императрицы прошение с жалобой на брата. Он указывает, что они с братом заключили письменное соглашение «все недвижимые имения покупать пополам и купчие крепости заключать на общие наши имена». Петр считал, что брат нарушил соглашение, купив заводы у матери без него²⁴.

В Екатеринбургском уездном суде началось рассмотрение этого спора, который на время тяжбы приостановил действие сделки о покупке шуралинской части. Дело закончилось в 1794 г. Екатеринбургский уездный суд вынес решение в пользу Ивана Яковлева, так как Петр не смог предоставить «достоверное свидетельство» соглашения с братом. Только тогда Иван Яковлев стал полноправным владельцем шуралинской части²⁵.

Однако на этом тяжбы не закончились. Петр Яковлев отказался выполнять условия раздельного расписания о переводе с его заводов людей в другие части и о пользовании рудниками, удерживал в своем владении деревни, которые должны были перейти в другие части. Он и его приказчики затеяли настоящую войну. Ссылаясь на указы Петра I о передаче Невьянского завода с землями и людьми Демидову, а также на указ Елизаветы Петровны о разделе заводов между наследниками Акинфия Демидова, Невьянская заводская контора доказывала, что Невьянские заводы находятся на особых условиях и отбирать у них людей и рудники нельзя²⁶. Владельцы и приказчики верх-исетской и алапаевской частей отправляли в правительственные органы прошения о выполнении условий раздельного расписания.

18 августа 1789 г. приказчик Уинских заводов Александр Хохлов сообщал в Пермское наместническое правление о том, что условия раздельного расписания не выполняются, и просил «учинить законное рассмотрение и владельцу Алапаевской части господину моему повелеть Невьянской канторе деревни Брадовую, Боровую, Беляковку и Темную <...> отдать»²⁷. Через восемь лет поверенный Ивана Яковлева Григорий Зотов сообщал в феврале 1797 г. в Пермское губернское правление, что некоторые крепостные, которых по условиям раздельного расписания следовало перевести в шуралинскую часть, «и поныне состоят переселенными»²⁸.

То же самое относилось и к Высокогорскому магнитному руднику, руду на котором по условиям раздельного расписания должны были добывать все заводские части Яковлевых. Невьянская часть до начала XIX в. добывала на нем значительно больше, чем другие части, «приискивая между тем разные средства к воспрепятствованию воспользоваться равномерно тех руд добычею»²⁹.

Дело доходило до открытых столкновений между служителями разных заводских частей. В 1797 г. дворянские заседатели Неклюдов, Солонинин и секретарь Алапаевского нижнего суда вместе с приказчиками верх-исетской части Заверняевым, Деевым и Левицким «с немалым числом служителей и огнестрельным оружием и железами» приехали в деревню Кунару и избили невянских служителей Якова и Степана Зыкиных, старосту Зырянова и других, «крича невянским, что-де вам нет здесь дела, а мы главные, и крестьяне принадлежат завододержателю Ивану Яковлеву». Верхотурский уездный суд наказал тогда верх-исетских служителей и членов Алапаевского нижнего земского суда³⁰.

Только в начале XIX в. притязания невянской части были признаны необоснованными. Указом Сената от 21 марта 1804 г. было предписано удовлетворить все требования Ивана и Сергея Яковлевых. На Петра Яковлева возлагалась ответственность за «волокиту осьмнадцатилетним дела ево продолжением». С него взыскивались расходы, затраченные государственными органами на ведение дела, и убытки, понесенные его братьями³¹. Нужно количество руды Высокогорского рудника, которое невянская часть была должна другим частям, по указу Пермского горного правления от 5 августа 1808 г. этим частям следовало добыть на невянском участке рудника и отвезти на свои заводы³². Поражение в этом длительном судебном процессе подорвало заводское хозяйство Петра Яковлева. В 1808 г. оно находилось на грани банкротства³³. Таким образом, окончательное разделение заводского хозяйства Яковлевых на три части произошло только в начале XIX в.

Заводское хозяйство Яковлевых на Урале во многом отличалось от других частновладельческих комплексов. Это было в первую очередь связано с особенностями его формирования. Савва Яковлев скупал заводы у разных владельцев, получивших свои предприятия или земли под них на разных условиях: право владения или посессии. Сильно отличался и социальный статус рабочих кадров мануфактур: крепостные, вечноотданные или государственные приписные крестьяне. Это не могло не сказываться на организации заводского хозяйства, управлении, заводском производстве, вспомогательном хозяйстве и рабочих кадрах. Также не могли не сказаться большая численность заводов, их географическая удаленность друг от друга и отличавшиеся системы управления и производства, созданные разными владельцами.

Постепенное объединение заводской империи Яковлевых в единый промышленный комплекс с тесными социально-экономическими связями должно было сыграть прогрессивную роль в его развитии. По крайней мере так считал Савва Яковлев, когда завещал не делить свое хозяйство на части. Но его планам не суждено было осуществиться.

Разделение заводского хозяйства Саввы Яковлева на три части привело к появлению новых промышленных комплексов, изменению связей между заводами. Условия раздела, конечно, учитывали проблему объединения в одни заводские хозяйства комплексов, состоящих из чугуноплавильных и железоделательных заводов, но это не всегда можно было сделать так, чтобы разделить заводы на равные части. Заводы, купленные Саввой Яковлевым у Прокофия Демидова, были разбиты на две части — невьянскую и шуралинскую. В шуралинскую часть вошли и заводы, купленные у Ягужинского. С другой стороны, Режевской завод, который больше «тяготел» к Алапаевским заводам, попал в верх-исетскую часть. Такое разрушение только начинавшихся создаваться связей в заводском хозяйстве не могло в дальнейшем не сказаться на работе отдельных заводов и целых хозяйств. Это стало также одной из причин строительства целого комплекса вспомогательных заводов наследниками Саввы Яковлева.

¹ Павленко Н.И. История металлургии в России XVIII века. М., 1962. С. 248.

² См.: Любимиров П.Г. Очерки по истории русской промышленности. Л., 1947. С. 257.

³ См.: Павленко Н.И. Указ. соч. С. 248–253.

⁴ См.: Лобанов-Ростовский А.Б. Русская родословная книга. Т. 2. СПб, 1895. С. 455.

⁵ См.: Раздел наследства С.Я. Яковлева // Грязнов А.Ф. Ярославская большая мануфактура за время с 1722 по 1856 г. М., 1910. С. 491.

⁶ Там же. С. 490–492.

⁷ Баташев А.Н. Баташ: Большой евразийский роман, или Опыт художественно-исторического исследования рода за пятьдесят пять веков. М., 2001. С. 240–241.

⁸ Раздел наследства С.Я.Яковлева... С. 510, 495.

⁹ Там же. С. 489.

¹⁰ Лобанов-Ростовский А.Б. Указ. соч. С. 455.

¹¹ Раздел наследства С.Я. Яковлева... С. 496, 500–503.

¹² Там же. С. 508–513.

- ¹³ ПСЗ. Т. 22. № 16203. С. 396.
- ¹⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 6479. Л. 18.
- ¹⁵ ПСЗ. Т. 22. № 16203. С. 396.
- ¹⁶ ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 36. Л. 10об.
- ¹⁷ Там же. Д. 2499. Л. 1 об.
- ¹⁸ ГАКО. Ф. 583. Оп. 5. Д. 1251. Л. 2.
- ¹⁹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2499. Л. 1об.
- ²⁰ Там же. Л. 3–7об.
- ²¹ Там же. Оп. 23. Д. 6479. Л. 8–20 об.
- ²² Там же. Ф. 72. Оп. 1. Д. 75. Л. 2.
- ²³ Там же. Д. 22. Л. 12–12об.
- ²⁴ Там же. Д. 21. Л. 1; Д. 23. Л. 2.
- ²⁵ Там же. Д. 23. Л. 149, 364–365об.
- ²⁶ Там же. Д. 5775. Л. 16–19об.
- ²⁷ Там же. Д. 36. Л. 1–6.
- ²⁸ Там же. Д. 112. Л. 1–2.
- ²⁹ Там же. Д. 584. Л. 155.
- ³⁰ Из истории Урала: Сборник документов и материалов. Свердловск, 1971. С. 92–94.
- ³¹ ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 531. Л. 1–1об.
- ³² Там же. Д. 584. Л. 151–157.
- ³³ РГИА. Ф. 51. Оп. 1. Д. 2. Л. 141.